

УДК 82-31

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ Г.И.ГАЗДАНОВА «НА ФРАНЦУЗСКОЙ ЗЕМЛЕ»

© Е.В.Асмолова

В документальной повести «На французской земле» Г.И.Газданов описывает новую генерацию русского человека – «советский этнос». Национальный характер, его преемственность и трансформация в новых исторических условиях становятся объектом исследования писателя.

Ключевые слова: национальный характер, советская ментальность, документальное повествование, историческая преемственность, трансформация.

В современной науке отмечается, что национальный характер – это «элемент народного самосознания», «представления народа о самом себе, в основе которого лежит набор предметов или идей, которые в сознании каждого носителя определенной культуры связаны с интенсивно окрашенной гаммой чувств или эмоций» [1: 8, 35]. Существуют устойчивые доминанты национального поведения, которые не подвержены изменениям под влиянием идеологии, политического устройства, архетипы, определяющие духовную жизнь нации, лежащие в основе творческого понимания мира и передающиеся из поколения в поколение. Однако особенности национального мировидения наиболее ярко проявляются в ситуации исторического выбора народа, реализуясь затем в фольклоре или текстах художественной литературы. В нашем случае актуальным оказывается исследование «советского этноса» - нового типа русского человека – представителем младшего поколения литературы русского зарубежья I волны Г.И.Газдановым.

Книга Г.И.Газданова «На французской земле» представляет собой первое в творчестве писателя документальное повествование. Это посвящение русским партизанам-подпольщикам, сражавшимся в годы Второй мировой войны в рядах Французского Сопротивления, было написано по горячим следам. Газданов закончил рукопись через 10 дней после взятия Берлина, 19 мая 1945 года. Сразу же им был сделан перевод книги на французский язык, чтобы она могла быть доступной не только русским эмигрантам, но и коренным французам, которые мало что знали о подлинном героизме русских. И уже в 1946 году вышла книга в издательстве братьев Люмьер под названием «Je m'engage a defendre». Это повествование было высоко оценено в русской эмигрантской прессе. Александр Бахрах писал в «Русских новостях»: «Страна, ради которой эти безымянные люди гибли в европейских про-

странствах, окруженные со всех сторон вражескими полчищами в своем безмерном одиночестве, – эта страна не может и не должна забыть далекий героизм тех, кто отдал за нее свои жизни на иностранной земле. Маленькая книга Газданова – первый камень этому памятнику» [2]. Но судьба распорядилась иначе с этим уникальным свидетельством подвига русских в эмиграции: «для французского читателя она стала слишком «пророссийской» и потому – непонятной, для белой эмиграции слишком «просоветской» и потому неприятной, для советских критиков – слишком независимой и потому – опасной» [3: 236]. Между тем это первое исследование, посвященное участию советских партизан в Движении Сопротивления в Европе.

В 1943 году Газданов вступает в «Резистанс» и сотрудничает с «маками» – французскими партизанами, получившими свое название от «maquis», что значит – лес, чаща. Не случайно это происходит через некоторое время после смерти близкого друга Газданова – М.Осоргина. На самом деле этот шаг был во многом определен общением с М.Осоргиным, призывавшим в своих статьях к войне против Гитлера. Газданов становится редактором подпольного информационного бюллетеня на русском языке, а его жена, Фаина Дмитриевна Ламзаки, стала работать как переводчица и связная между парижской группой Сопротивления «Русский патриот» и беглыми советскими военнопленными. Дело в том, что состав подпольных отрядов Сопротивления был интернационален, и необходимы были связные, владеющие обоими языками. Отряды «маков» большей частью состояли из французов, русских эмигрантов и советских пленных.

Свое собственное вступление в подпольную группу, описанное как «эпизод с приятелем», Газданов подробно воссоздает в своей документальной повести [4: 680]. Важно отметить, что писатель впервые знакомится с советскими

людьми, которые успели появиться за двадцать лет его отсутствия на родине. Поэтому, как и в предыдущих художественных романах и рассказах, главным объектом исследования в повести становится не исторические события, а богатство человеческих индивидуальностей, в данном случае - представителей нового, советского «этноса». Именно им будут посвящены самые яркие и значительные страницы.

Так как повесть «На французской земле» представляет собой документальное повествование, то не приходится говорить ни о сюжете, ни об устоявшейся системе образов, однако идейно-философские мысли писателя здесь звучат открыто, представляя особый интерес для исследователя. К приемам такого повествования можно отнести: 1. использование монтажа (врезка фрагментов из реальных документов в текст); 2. рассказ о событиях с позиции всеведущего историка; 3. аналитические отступления.

Врезные документальные фрагменты были необходимы Газданову, чтобы исследовать корни русского патриотизма и его преемственность в советском обществе. Поэтому не случайно в их качестве Газданов использует «Краткий курс истории ВКП(б)», а именно – раздел «О диалектическом и историческом материализме» (1939) как основания идеологии советского общества. Ведь Газданов, в прошлом воевавший на стороне Белой гвардии, был поражен чудесами героизма красноармейцев, попавших в плен, бежавших из лагерей и продолжавших борьбу с врагом на французской земле. Самое великое достижение советской цивилизации, по Газданову, – это новый тип человека, её создателя: «Было в нем еще нечто особенное, характерное, впрочем, не только для него, но и для многих советских людей: быстрая приспособляемость к внешним условиям, к внешним отличиям, нечто вроде своеобразной социальной мимикрии. Нужен был очень опытный взгляд, чтобы отличить в толпе этого человека от других. Он сразу научился с безошибочным инстинктом одеваться по-европейски. Его могло, пожалуй, выдать особенное, не европейское выражение лица или глаз, но, чтобы суметь это увидеть, нужно было быть физиономистом [4: 680-681]». Газданов и выступает здесь в качестве физиономиста и пристрастного наблюдателя: наблюдает и анализирует внешность, поведение, манеру одеваться советского человека, его манеру петь и танцевать, носить костюм, его культурные пристрастия и т.д. Причины такой быстрой приспособляемости и универсальности советских людей, по Газданову, кроются в том, что они «не чувствуют контуров режима... Те вопросы, которые кажутся естест-

венными в Европе – правовые, социальные, экономические, – в их представлении не возникают» [4: 724]. Кроме того, «все то, что создает искусственные различия между людьми или подчеркивает их естественные различия, в России не существует», и это отнюдь не идеальная система, но «для достижения общими национальными силами общих национальных целей – в данном случае для спасения своей родины от неминуемой, казалось бы, гибели – человечество не знает более могущественного средства» [4: 736].

Главнейшим истоком русского патриотизма Газданов считает историческую преемственность: «Получается парадоксальная вещь: советский строй, со всей его сложной совокупностью производственных усовершенствований, новейших машин, рационализаций, с огромным аппаратом пропаганды, информации и т.д., со всей отчетливой видимостью экономического модернизма, оказывается в социальном разрезе чем-то напоминающим семейно-патриархальную систему, стремление к которой характерно для русской истории вообще. «Вы наши отцы, мы ваши дети»... [4: 725].

Закон «национальной жажды бессмертия» – один из основных законов, управляющих человечеством, – работает в тех условиях, когда «всякая индивидуальность начинает действовать только для коллектива» [4: 752]. А это в наибольшей степени было присуще менталитету русского человека советского периода.

Советских людей часто представляли в эмиграции врагами религии, хотя на самом деле они были противниками той формы казённого православного христианства, которая господствовала в предреволюционной России (и какую ещё до революции критиковали многие деятели русской культуры, в том числе и Газданов). Но ими двигала своя псевдорелигия, диктовавшая святое самоотречение во имя идеи. А истинная идея патриотизма, как пишет В. Соловьев, выводится из сущности христианского начала: «В силу естественной любви и нравственных обязанностей к своему отечеству полагают его интересы и достоинство главным образом в тех высших благах, которые не разъединяют, а объединяют людей и народы» [5: 35].

Смысл этой веры тонко уловил Газданов, когда в повести «На французской земле» сравнивает два типа самоотверженности – западный и советский: «Французская подпольная организация послала «для связи» женщину. Это была француженка лет 35, полукрестьянского типа, очень некрасивая, лишённая самого отдаленного намека на женственность и которая не привлекла бы ничьего внимания - ни полиции, ни жандармов,

ни гестапо. Она действовала с исключительной самоотверженностью. Я видел еще несколько женщин, делавших приблизительно такую же работу, как она. Они обыкновенно были коммунистки. Их жизнь заключалась в том, что они ежечасно ею рисковали. Я вспомнил тех шоферов в Америке, которые, как мне кто-то рассказывал, получают очень большое жалованье, и средняя длительность их жизни – шесть месяцев; они перевозят в огромных грузовиках какое-то взрывчатое вещество страшной силы – и достаточно резкого нажима на тормоз, чтобы шофер, машина и все, что в ней находится, взлетело на воздух. Любителей всегда находилось много. Работа этих женщин напоминала, пожалуй, работу американских шоферов. В риске своей жизнью есть вообще особенная, иногда неудержимая соблазнительность, почти всегда бессознательная. Те, кто это испытал, похожи на наркоманов; многие из них потом бывают отравлены навсегда. Число же людей, которые ясно и твердо знают, за что именно они готовы умереть, и знают, что это действительно стоит такой жертвы, чрезвычайно ничтожно. Русские – те знали, за что они борются и за что они умирают» [4: 682].

При этом Газданов в своем повествовании стремится как свидетель и участник исторических событий к максимальной достоверности, иронически воспринимая странное поведение «советских», например, в эпизоде, когда один из них наивно доказывал, «что долг бороться за советскую власть фигурирует в тексте присяги, которую приносили в свое время офицеры царской армии» [4: 750], или когда бежавший из плена полковник Красной армии, Антон Васильевич, организует отряд Сопrotивления под названием «Максим Горький», резюмируя, что «Горький – правильный и хороший писатель» [4: 745], и в представлении людей разных национальностей – русских, поляков, французов, испанцев, объединенных этим названием, «эти два слова, «Максим Горький», будут вызывать не литературные описания, не те или иные ассоциации из его книг, а нечто совершенно другое: лагерь, лес, дороги, немцы, пулеметы и бои» [4: 746].

Как констатирует писатель, большинство советских людей тянуло к «культуре». Они знали русских классиков и даже иностранную литературу. И «все-таки это было не то, что раньше. Весь этот мир, к которому они чувствовали тяготение, представлялся фрагментарным и полным противоречий, носящих запрещенный характер, которого они инстинктивно боялись» [4: 762].

Русское ментальное чувство сопричастности и братства сыграло решающую роль в единении «советских» и русских эмигрантов, в исходе войны: «Между ними и советскими людьми не было ничего общего – кроме этого, самого сильного ощущения: и те и другие родились и выросли в России. И вот за то, что, казалось, должно было представляться эмигрантам как какой-то исторический мираж, за это непередаваемое и неумирающее видение своей родины, они тоже шли на риск Бухенвальда или расстрела» [4: 749]. Именно такое светлое и неумирающее чувство к России воплощал и Газданов, и чаще – в женских образах (Клэр) в своих романах.

Таким образом, документальную повесть Газданова «На французской земле» можно включить в метароманное пространство писателя (его наследие включает 9 романов и около 40 рассказов), так как выделяются приоритетные пристрастия писателя: пристальное внимание к отдельной человеческой индивидуальности, социальным стратам и этносам. Появление документального повествования в его творчестве является закономерным, идейная позиция автора становится прозрачной, что отразилось впоследствии в переходе к художественным «расширенным притчам» – романам «Пилигримы» и «Пробуждение», где свои впечатления от действительности Газданов превращает в поучительный, нравственный опыт.

Среди ментальных истоков русского патриотизма и необычайной самоотверженности, оказавшихся преемственными в советском обществе, по мнению Газданова, можно выделить следующие: миротворчество, державность, историческую преемственность, национальную осмысленность и духовную наполненность. Все это сыграло решающую роль в положительном исходе жесточайшей Второй Мировой войны.

1. *Касьянова К.* О русском национальном характере. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 560 с.
2. *Бахрах А.* Партизаны во Франции (о кн. Газданова «Партизаны во Франции» // Русские новости. 1946. – 8 ноября (№ 78). – С. 5 – 8.
3. *Орлова О.* Гайто Газданов. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 275 с.
4. *Газданов Г.* Собр. соч.: в 3 т. – т.3. – М.: Согласие, 1999. – 848 с.
5. *Соловьев В.* Национализм. Патриотизм. (Из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона) // Новый Вавилон. 1994. – № 1. – С. 35 – 50.

**TRANSFORMATION OF THE NATIONAL CHARACTER
IN G.GAZDANOV'S DOCUMENTARY NOVEL «ON FRENCH SOIL»**

E.V.Asmolova

In the documentary novel «On French Soil» G.Gazdanov describes a new generation of Russian people – «Soviet ethnos». The national character, its continuity and transformation under new historical conditions are the object of the writer's study.

Key words: national character, soviet mentality, documentary narration, historical continuity, transformation.

* * * * *

Асмолова Елизавета Владимировна – доцент кафедры религиоведения, социально-культурной антропологии и туризма Калужского государственного университета имени К.Э.Циолковского.

E-mail: evakaluga@mail.ru

Поступила в редакцию 06.05.2013